

УДК 82.091
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 ЧЕХОВ А. П.

Агратин Андрей Евгеньевич,

аспирант,

Институт филологии и иностранных языков,

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,

ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация

E-mail: andrej-agratin@mail.ru

ИМПЕРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРОЯ-РАССКАЗЧИКА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

(на примере произведений «Огни» и «Рассказ старшего садовника»)

Аннотация: Цель настоящей работы — определить, соответствует ли чеховское повествование с участием героя-рассказчика традиционным нормам построения нарратива подобного типа. В классической литературе автор и вторичный нарратор обладают разными возможностями в выборе стратегий рассказывания: первый способен занимать позицию наставника, поскольку он владеет абсолютной истиной, второй такого права лишён, и его попытки «обойти» данное ограничение, придать индивидуальному мнению статус всеобщей истины оказываются безуспешными. В произведениях А. П. Чехова «Огни» и «Рассказ старшего садовника» происходит «разоблачение» вторичного нарратора: притчи Ананьева и Михаила Карловича звучат неубедительно, писатель с помощью различных художественных средств подчёркивает их искусственность. Однако в чеховских текстах, в отличие от классических, автор не выполняет функцию ментора. Задача писателя — не опровергнуть суждения персонажа и установить границы использования императивной стратегии повествования. Чехов показывает её исчерпанность. Притчевая наррация не присваивается героем-рассказчиком, но отчуждается в его пользу и теряет «эксклюзивный» статус сугубо авторской модели общения с читателем.

Ключевые слова: А. П. Чехов, императивная стратегия повествования, автор, герой-рассказчик.

Хорошо известно, что автор в зрелой прозе Чехова изображает события объективно, не допуская проповеднических интонаций. В дочеховской литературе (условно назовем её классической), напротив, преобладает императивная стратегия повествования, которая, по словам В. И. Тюпы, предусматривает дидактическую, судейскую функцию говорящего/пишущего, пассивную роль слушателя/читателя, а также организует нарратив, где событие есть нарушение нравственного порядка [10, с. 150–151].

Выбор императивной стратегии повествования — прерогатива автора. Вот почему в классическом произведении персонаж-рассказчик вызывает доверие, если

он не претендует на роль наставника, как, например, в «Запечатленном ангеле» Н. С. Лескова. Свою историю герой предваряет фразой: «Я, как несомненно можете по мне видеть, человек совсем незначительный, я более ничего, как мужик...» [5, с. 322]. Вторичный нарратор (термин В. Шмида [12, с. 80]), прибегающий к императивной модели рассказывания, редко бывает убедителен. Так, Иван Карамазов в романе Ф. М. Достоевского ни на секунду не сомневается в открывшемся ему «знании»: «...надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения... вести людей уже сознательно к смерти и разрушению и при том обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того, чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми» [2, с. 233]. Герой старается казаться скромным: «Да ведь это же вздор, Алеша, ведь это только бестолковая поэма бестолкового студента, который никогда двух стихов не написал», — но не в состоянии скрыть удовольствия от собственной речи: «Он разгорячился говоря и говорил с увлечением» [2, с. 239]. Проповедь Ивана — скрытая провокация, основная цель которой — не наставить собеседника, а удовлетворить собственное самолюбие.

Герой-рассказчик, берущий на себя функцию ментора, встречается и в прозе Чехова. Здесь следует отметить типологически сходные произведения «Огни» (1888) и «Рассказ старшего садовника» (1894). Постараемся понять, отвечают ли они описанным выше требованиям классического нарратива.

Ананьев, герой «Огней», произносит «проповедь, обращенную не только к одному конкретному слушателю, а к молодым людям вообще» [3, с. 34]. Инженера провоцирует студент Штенберг, рассуждающий в духе философии пессимизма: «...пройдут тысячи две лет, и от этой насыпи и от всех этих людей, которые теперь спят после тяжелого труда, не останется и пыли. В сущности, это ужасно!» [11, т. 7, с. 107]. Ананьев считает, что говорить «о бесцельности жизни, о ничтожестве и бренности видимого мира» [11, т. 7, с. 110] можно только в зрелом возрасте, когда подобные взгляды «вытекают из любви к человеку и из мыслей о человеке» [11, т. 7, с. 137]. Персонаж повествует историю о Кисочке в качестве иллюстрации к выдвинутому тезису.

Похожая ситуация представлена в «Рассказе старшего садовника». Помещик недоволен тем, что все «привыкли видеть порок безнаказанным» [11, т. 8, с. 342–343]. Михаил Карлович спешит отреагировать на замечание персонажа развёрнутым ответом. Вначале старший садовник озвучивает центральную идею высказывания: «Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорят “невиновен”, а, напротив, чувствую удовольствие... Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят *человеку*, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта *вера в человека* сама по себе не выше всяких житейских соображений?» [11, т. 8, с. 343]. Затем герой подтверждает свою мысль легендой об убийстве доктора.

Ананьев актуализирует императивную стратегию в рассказе, состоящем из цепочки взаимосвязанных эпизодов, которая начинается с ложного выбора главного героя и заканчивается его раскаянием. Двадцатишестилетний инженер приезжает

на Кавказ и останавливается «дней на пять в приморском городе N» [11, т. 7, с. 112]. Там персонаж неожиданно встречает Наталью Степановну, в которую «был по уши влюблен 7–8 лет назад, когда еще носил гимназический мундир» [11, т. 7, с. 117]. Ананьев решает соблазнить давнюю знакомую. Кисочка (так героиню называли в юности) вначале не поддерживает намерение персонажа, но потом сдаётся и не скрывает пробудившегося в ней чувства. Инженер, достигнув поставленных целей, бросает Наталью Степановну, после чего тщетно пытается убедить себя в разумности содеянного: «...я уверял себя, что всё вздор и суета, что я и Кисочка умрем и сгнием, что ее горе ничто в сравнении со смертью, и так далее и так далее...» [11, т. 7, с. 134]. В итоге персонаж признаёт ошибочность своих идей, которые не имеют ничего общего с настоящими интеллектуальными исканиями, нужны для того, чтобы оправдать любой, даже самый неблагоприятный поступок, и сводятся к занимательной и ловкой «игре в серьезную мысль» [11, т. 7, с. 136]. Инженер возвращается к Кисочке и «вымаливает у нее, как мальчишка, прощение» [11, т. 7, с. 136]. Нарратор обращается к классической сюжетной схеме притчи.

С ней следует идентифицировать и рассказ Михаила Карловича. Ситуация выбора здесь выполняет функцию кульминации, а не завязки, как в «Огнях». Старший садовник рассказывает историю о докторе, у которого «билось чудное, ангельское сердце»: «...жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них даже своей жизни. У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя и, задыхаясь, взбирался на горы, как бы высоки они ни были» [11, т. 8, с. 344]. Горожане крайне признательны лекарю: «Взрослые и дети, добрые и злые, честные и мошенники — одним словом, все уважали его и знали ему цену. В городке и в его окрестностях не было человека, который позволил бы себе не только сделать ему что-нибудь неприятное, но даже подумать об этом» [11, т. 8, с. 344]. Тем не менее доктора убивают. Предполагаемого преступника ловят, и судьи сталкиваются с дилеммой: наказывать его или нет. Все улики не в пользу подозреваемого — сам же он отрицает свою вину, да и «существование человека, у которого хватило бы низости и гнусности убить доктора, кажется невероятным» [11, т. 8, с. 345]. В итоге преступника отпускают — исходя не из юридических, а нравственных соображений: вера в человека ставится выше закона.

В обоих произведениях герои высказываются безапелляционно, однако, будучи не защищёнными от потенциальных возражений, они вынуждены предотвращать опасность спора, подчёркивая собственный авторитет и подчинённое положение адресата.

Ананьев «снисходительно величает молодых людей “душа моя” и чувствует себя как бы вправе добродушно журить их за образ мыслей» [11, т. 7, с. 109]. Весьма характерен облик инженера: «Движения его и голос были покойны, плавны, уверенны, как у человека, который отлично знает, что он уже выбился на настоящую дорогу, что у него есть определенное дело, определенный кусок хлеба, определенный взгляд на вещи... Его загорелое толстоносое лицо и мускулистая шея как бы говорили: “Я сыт, здоров, доволен собой, а придет время, и вы, молодые люди, будете

тоже сыты, здоровы и довольны собой”...» [11, т. 7, с. 109]. На Штенберга инженер взирает «почти со злобой» [11, т. 7, с. 111] и говорит, «обращаясь больше» ко второму своему слушателю, «чем к студенту» [11, т. 7, с. 112]: индифферентный эгоист-скептик не годится для роли послушно и безропотно внимающего слушателя.

Михаил Карлович всячески демонстрирует значимость своей персоны: «...он называл себя старшим садовником, хотя младших не было; выражение лица у него было необыкновенно важное и надменное; он не допускал противоречий и любил, чтобы его слушали серьезно и со вниманием» [11, т. 8, с. 342]. Завершив рассказ, герой замолкает и не даёт собеседнику ответить: «Михаил Карлович кончил. Мой сосед хотел что-то возразить ему, но старший садовник сделал жест, означавший, что он не любит возражений» [11, т. 8, с. 346].

Притчевый нарратив необходимо окружить целой системой табу. Хотя бы незначительное их нарушение приведёт к деконструкции высказывания, обнаружит его искусственность. Чехов подчёркивает, что герой-рассказчик не способен свободно и успешно актуализировать императивную стратегию повествования.

Вот почему рассказ Ананьева в «Огнях» предстаёт в ироническом освещении, что наиболее убедительно доказано С. М. Козловой. В истории персонажа «действительность сущая замещается действительностью кажущейся, которая затем в воображении осваивается, облекаясь в знакомые, готовые формы, и эти известные формы несут заключенные в них известные мысли» [4, с. 76]. Инженер, несмотря на философскую значимость выдвигаемых идей, привязан к «земному существованию и его благам» [4, с. 79]. Герой восхищается «насыпью, которая стоит миллионы» [11, т. 7, с. 106], поглощён повседневными заботами о семье: «У кого жена да пара ребят, тому не до спанья» [11, т. 7, с. 138]. Образ персонажа-наставника комически снижается в «небольшом эпизоде зачинающегося будничного дня» [4, с. 80], когда утром героев застают люди, которые «от Никитина котлы привезли» [11, т. 7, с. 139]. Вчерашний философ раздражается грубым восклицанием: «На что мне сдались твои котлы?.. На голову я себе их надену, что ли? Если ты не застал Чалисова, то поищи его помощника, а нас оставь в покое!» [11, т. 7, с. 140]. Герой показывает истинное, мещанское лицо — развенчание Ананьева изящно подчёркивается Чеховым с помощью литературной аллюзии: «Повествователь, “изучая” нового знакомого, сравнивает инженера с “Отелло” <...> что дает повод в финале сравнить Ананьева с Отелло по сути: одолев перевал человеческой жизни, культуры и цивилизации, Ананьев, подобно Отелло, остался “мавром” — “варваром”» [4, с. 80].

С. Б. Рубина отмечает ироническое отношение Чехова к «“уроку” Ананьева» [8, с. 104]. Писатель в своём произведении «п а р о д и р у е т ситуацию с Раскольниковым»: «...герой Достоевского, обретя истину, “воскрес”, на его лице сияет “заря обновленного будущего”, герой же Чехова превращается в добродетельного самодовольного пошляка» [8, с. 106].

Несостоятельность проповеди Михаила Карловича в «Рассказе старшего садовника» раскрывается несколько иначе. М. Ранева-Иванова отмечает: «...старший садовник высказывается таким образом и добавляет такие детали, что сам подвергает сомнению то, что он создает». Так, «вместо возможного в данном

контексте сообщения об излечении больных садовник рассказывает о том, как доктор шел за гробом и плакал, когда у него умирал пациент» [7, с. 441]. Нельзя не согласиться с замечанием исследовательницы по поводу комичности некоторых комментариев нарратора, который явно преувеличивает всеобщую любовь к доктору: «...лошади, коровы и собаки знали его и при встрече с ним изъявляли радость» [11, т. 8, с. 345].

В классической литературе дискредитация рассказчика-наставника необходима для того, чтобы манифестировать ложность провозглашаемых им идей. Именно так поступает Достоевский в «Братьях Карамазовых», включая в роман «квазиприту» о Великом Инквизиторе. Саму императивную стратегию повествования писатель не подвергает сомнению — он лишь очерчивает границы её использования, которые обусловлены компетентностью субъекта рассказывания. Автор способен генерировать истину, а следовательно, имеет право обратиться к притчевой модели рассказывания, персонаж такой возможностью не обладает — его попытки «обойти» указанное ограничение оборачиваются ошибкой или обманом. Строится ли чеховский нарратив по данному образцу? Скорее всего, нет.

Начнём с того, что писатель вряд ли преследует цель опровергнуть Ананьева и Михаила Карловича. Так, литературоведы говорят о близости точек зрения автора и персонажа в «Огнях». В. Я. Линков утверждает: «...слова героя выражают его конкретный психологический опыт, который он обрел сам, и процесс осмысления его показан в произведении. Поэтому слова героя здесь выражают его мысль, мысль всего произведения» [6, с. 24]. В. Д. Седегов полагает, что идея о необходимости раскаяния, высказанная Ананьевым, принадлежит писателю. Учёный подкрепляет данную гипотезу косвенным аргументом, обращая внимание на сходства в судьбах биографического автора и героя, которые «оказываются земляками» [9, с. 9].

«Рассказ старшего садовника» редко становился предметом внимания в чеховедении. Тем не менее можно предположить, что рассуждения главного героя о смертной казни автор воспринимает всерьёз, на что указывает как его интерес к данной проблеме в «Острове Сахалине» [11, т. 14/15, с. 323–342], так и переписка с критиком Л. Е. Оболенским, который обращается к Чехову со словами: «...я до сих пор думаю о вопросе, который возник во время нашей последней беседы, т. е. можно ли *доказать* с точки зрения *утилитарной* вред смертной казни?» [11, т. 5, с. 539]. Цитированный вопрос перекликается с притчей старшего садовника. Кроме того, писатель отзывался о критике весьма положительно и явно не собирался высмеять или осудить его мнение. Так, в письме А. С. Суворину от 10 апреля 1894 г. Чехов отмечает: «В Ялте познакомился я с Леонидом Оболенским. Умный человек...» [11, т. 5, с. 288]. В письме В. А. Гольцеву от 11 или 12 апреля 1894 г. автор также даёт Оболенскому лестную характеристику: «Умный, интересный человек...» [11, т. 5, с. 289]. Смущает писателя только одно — форма, в которую собеседник облакает незаурядную мысль: критик «производит впечатление человека, которого учили, учили и заучили. У него ни одна фраза не обходится без эмоции» [11, т. 5, с. 288], «заела его “эмоция”» [11, т. 5, с. 289].

Так же Чехов рассматривает притчи Ананьева и Михаила Карловича. Отношение писателя к их концептуальному содержанию нельзя назвать негативным. А вот применяемая героями модель рассказывания отрицается автором, о чём свидетельствуют её многочисленные недостатки, главный из которых — упрощение объекта нарратива: история о Кисочке и сюжет о помиловании, связанные с целым комплексом экзистенциальных проблем (одиночество, вина, время, смерть, справедливость, преступление и наказание и т.д.), сводятся к элементарной ситуации нарушения нравственной нормы.

Чехов не монополизирует права выбора императивной стратегии повествования, более того, отказывается от него, что в исследуемых произведениях косвенно выражено в особенностях дискурса первичного нарратора.

Субъект рамочного повествования в «Огнях» — наблюдатель, сообщающий лишь о том, что он видел и чувствовал. Повествование открывается единичной подробностью: «За дверью тревожно залаяла собака» [11, т. 7, с. 105]. О своём участии в событиях рассказчик осведомляет читателя очень кратко и далеко не сразу, как бы случайно вспомнив об этом: «Поздно вечером я возвращался верхом с ярмарки к помещику <...> попал в потемках не на ту дорогу и заблудился <...> постучался в первый попавшийся барак. Тут меня радушно встретили Ананьев и студент» [11, т. 7, с. 108]. Заканчивается повествование сдержанной зарисовкой: «Утро было пасмурное. По линии, где ночью светились огни, копошились только что проснувшиеся рабочие. Слышались голоса и скрип тачек» — и продолжением картины бесконечной жизни: «Стало восходить солнце...» [11, т. 7, с. 140].

В «Рассказе старшего садовника» нарратор вместе с другими персонажами — «соседом-помещиком и молодым купцом, торгующим лесом», [11, т. 8, с. 342] — выступает в качестве случайного собеседника Михаила Карловича. Нарратив покупателя цветов воссоздаёт контуры эмпирической реальности и необходим лишь для сообщения о старшем садовнике и обстановке действия. Повествование незначительно «усложняется» описанием ощущений: «В теплое апрельское утро сидеть в саду, слушать птиц и видеть, как вынесенные на свободу цветы нежатся на солнце, чрезвычайно приятно» [11, т. 7, с. 343].

На фоне повествования, за которым не слышен наставительный голос автора, чрезвычайно сложно подтвердить или оспорить идеи персонаж-рассказчика. Данная операция обычно позволяет читателю увидеть субъективные пределы выбора императивной стратегии, столь ясно обозначенные в классической литературе: «учить» может только тот, кто владеет безусловной истиной, а именно автор. Чехов же не ставит вопроса об этих пределах, а сомневается в самой необходимости дидактического повествования. Писатель придерживается агностических взглядов [1]. А раз нет единственной, общезначимой истины, то её дискурсивное воплощение утрачивает всякий смысл.

В прозе Чехова менторская позиция вторичного нарратора, как и в классике, «разоблачается», но с другой целью — не ограничить применение императивной стратегии повествования, а показать её исчерпанность. Притчевая наррация не присваивается героем-рассказчиком, но отчуждается в его пользу, теряя «эсклюзив-

ный» статус сугубо авторской модели общения с читателем. Писатель расшатывает традиционные нарративные структуры и открывает путь к новым, неклассическим формам художественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Долженков П. С.* Чехов и позитивизм. М.: Скорпион, 2003. 218 с. URL: http://lit.lib.ru/d/dolzhenkow_p_n/chekhov.shtml (дата обращения: 06.11.2015).
- 2 *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 511 с.
- 3 *Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
- 4 *Козлова С. М.* Литературная «перспектива» в новой поэтике А. П. Чехова («Огни») // Проблемы межтекстовых связей. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 74–85.
- 5 *Лесков Н. С.* Запечатленный ангел // *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. 558 с.
- 6 *Линков В. Я.* Значение рассказа «Огни» в развитии повествовательных приёмов Чехова // Вестн. Моск. ун-та, филология. М.: Изд-во МГУ, 1971. № 2. С. 16–24.
- 7 *Ранева-Иванова М.* Функция майевтики христианского мотива в «Рассказе старшего садовника» А. П. Чехова // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVII–XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 437–443.
- 8 *Рубина С. Б.* Природа иронии Чехова // Ирония и пародия. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 98–116.
- 9 *Седегов В. Д.* В поисках мировоззрения // Проблемы поэтики А. П. Чехова. Таганрог, 2003. С. 3–11.
- 10 *Тюпа В. И.* Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- 11 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
- 12 *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

* * *

Agratin Andrey Evgenievich,

Post-graduate student,

Institute of Philology and foreign languages,

Moscow State University of Education (MSPU),

Malaya Pirogovskaya str. 1, 119991 Moscow, Russian Federation

E-mail: andrej-agratin@mail.ru

THE IMPERATIVE STRATEGY OF THE NARRATOR IN THE PROSE OF A. P. CHEKHOV

(based on the stories «The lights» and «The head-gardener's story»)

Abstract: The aim of this research is to determine whether Chekhov's narrative with the participation of the secondary intradiegetic narrator conforms with the traditional regulations of the construction of the narrative of this type. In classical literature the

author and the secondary intradiegetic narrator have different choices of strategies of story-telling. The author is able to take the position of mentor because he owns the absolute truth, the secondary intradiegetic narrator has no right to do this and his attempts to «get around» this restriction to give the status of universal truth to the individual opinion are unsuccessful. In the works of A. P. Chekhov «The Lights» and «The Head-Gardener's Story» secondary narrator is «exposed»: the parables of Ananiev and Michael Karlovich sound unconvincing, the writer underlines their artificiality through a variety of artistic techniques. However, in the texts of Chekhov, unlike the classic literature, the author doesn't act as a mentor. The writer's task is not to disprove the character's propositions and establish the limits of application of the imperative strategy of narration. Chekhov shows its exhaustion. Parable narration is not appropriate by the secondary intradiegetic narrator, but it is alienated in his favor and loses the «exclusive» status of the specific author's model of the communication with the reader.

Keywords: A. P. Chekhov, the imperative strategy of the narrative, the author, the secondary intradiegetic narrator.

REFERENCES

- 1 Dolzhenkov P. S. *Chekhov i pozitivizm* [Chekhov and positivism]. Moscow, Skorpion, 2003. 218 p. Available at: http://lit.lib.ru/d/dolzhenkov_p_n/chekhov.shtml (Accessed 06 November 2015).
- 2 Dostoevskii F. M. Brat'ia Karamazovy [The brothers Karamazov]. *Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete works in 30 vol.] Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. Vol. 14. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 511 p.
- 3 Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow, Publ. MGU, 1979. 326 p.
- 4 Kozlova S. M. Literaturnaia «perspektiva» v novoi poetike A. P. Chekhova («Ogni») [Literary «perspective» in the new poetics of A. P. Chekhov («Lights»)]. *Problemy mezhtekstovykh svyazi* [Problems of intertextual relations]. Barnaul, Publ. AGU, 1997, pp. 74–85.
- 5 Leskov N. S. Zapechatlennyi angel [Sealed angel]. *Leskov N. S. Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected works in 11 vol.] Moscow, GIKhL Publ., 1956–1958. Moscow, GIKhL Publ., 1957. Vol. 4. 558 p.
- 6 Linkov V. Ia. Znachenie rasskaza «Ogni» v razvitii povestvovatel'nykh priemov Chekhova [The significance of the story «Lights» in the development of Chekhov's narrative techniques]. *Vestn. Mosk. un-ta, filologiya* [Bulletin of Moscow University, Philology]. Moscow, Publ. MGU, 1971, no 2, pp. 16–24.
- 7 Raneva-Ivanova M. Funktsiia maievтики khristianskogo motiva v «Rasskaze starshego sadovnika» A. P. Chekhova [The function of the Christian motif maieutics in «the head-gardener's Story» by Anton Chekhov]. *Problemy istoricheskoi poetiki. Vyp. 3. Evangel'skii tekst v russkoi literature XVII–XX vekov* [Problems of historical poetics. Vol. 3. Gospel text in Russian literature of XVII–XX centuries]. Petrozavodsk, Publ. PetrGU, 2001, pp. 437–443.
- 8 Rubina S. B. Priroda ironii Chekhova [The nature of Chekhov's irony]. *Ironiia i parodiia* [Irony and parody]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2004, pp. 98–116.

-
- 9 Sedegov V. D. V poiskakh mirovozzreniia [In search of the world outlook]. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of poetics of A. P. Chekhov]. Taganrog, 2003, pp. 3–11.
  - 10 Tiupa V. I. *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoi ritorike* [Discourse formation: Essays on comparative rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010. 320 p.
  - 11 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vol.] Moscow, Nauka Publ., 1974–1983.
  - 12 Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p.